

Преследование ЛГБТК+ в Российской Федерации в 2025 году: нормализация репрессий, криминализация повседневности и расширение границ «экстремизма»

Оглавление

Введение	2
Предмет и метод	2
Предмет.....	2
Метод	2
1. Административное преследование: когда частная жизнь становится «пропагандой».....	3
1.1. Масштабы применения статьи 6.21 КоАП	3
1.2. Офлайн-преследование по статье 6.21 КоАП РФ: тело как место правонарушения.....	3
1.3. Угрозы привлечения к административной ответственности по статье 6.21 КоАП РФ	4
2. «Экстремизм» как универсальный инструмент давления	5
2.1. Административный «экстремизм»	5
2.2. Уголовные дела по экстремистским статьям.....	5
Общая динамика:	5
Новые уголовные дела 2025 года	9
Дела, возбуждённые в 2025 году, но пока не рассмотренные судом.....	11
Сводка в цифрах	12
2.3. Угрозы уголовного преследования.....	13
3. Иные формы уголовного преследования	14
4. Преступления ненависти и отсутствие защиты.....	14
4.1. Тяжкие преступления ненависти	14
4.2. Иные преступления ненависти.....	15
5. Правоохранительные органы как субъект внепроцессуального преследования	16
6. Доносы.....	17
7. Цензура как системный инструмент: от административных дел к управлению культурой.....	18
8. Преследование книжного бизнеса: от штрафов к уничтожению литературы.....	18
8.1. Общая картина.....	18
8.2. Форматы цензуры и давления	18
8.3. Эффект устрашения	19
9. Онлайн-кинотеатры и видеоплатформы: репрессии против визуального нарратива.....	19
9.1. Масштабы преследования.....	19
9.2. Вырезка сцен и «исправленные версии»	19
9.3. Самоцензура как норма	20
10. Онлайн-платформы, игры и «экспорт цензуры»	20
10.1. Давление на платформы.....	20
10.2. Блокировки и удаления	20

11. Инициативы и институционализация ненависти	21
14. Заключение	21

Введение

2025 год стал в России годом, когда государственное преследование ЛГБТК+ персон окончательно вышло за пределы публичной сферы и закрепилось в интимном, бытовом и символическом пространстве. Если в предыдущие годы основной фокус репрессий был направлен на публичные высказывания и организованную деятельность, то в 2025 году объектом внимания государства стали жесты, одежда, отношения, встречи, телесные практики и даже способы проявления иронии.

Преследование приобрело характер тотального контроля над видимостью, где любая форма существования ЛГБТК+, от поцелуя до фанфика, может быть интерпретирована как правонарушение или преступление. При этом границы допустимого не просто размыты, а сознательно поддерживаются в состоянии неопределённости, что усиливает эффект запугивания и самоцензуры.

Также 2025 год характеризуется тем, что преследование в отношении ЛГБТК+ персон вышло за пределы этой социальной группы и широко затронуло другие аспекты общественной и политической жизни. В зону риска попал книжный бизнес, онлайн-платформы, не связанные напрямую с ЛГБТК+ сообществом и общественная жизнь в разных её проявлениях.

Предмет и метод

Предмет

Настоящий доклад посвящён анализу форм, которые принимало преследование ЛГБТК+ персон в Российской Федерации в 2025 году, а также выявлению его отличий от практик предыдущих лет. В центре внимания находится расширение репрессивной политики за пределы публичных высказываний и организованной активности в сферу повседневной, частной и интимной жизни, культуры и социальных взаимодействий, а также усиление роли экстремистского законодательства и превентивной цензуры как ключевых инструментов контроля не только в жизни ЛГБТК+ сообщества, но и влияние, которое оказывает преследование ЛГБТК+ на общество в целом.

Метод

Анализ основан на данных внутренней базы мониторинга, а также на обращениях в Программу правовой помощи и Психологическую службу ЛГБТК+ группы «Выход» и на кейсах, сопровождавшихся организацией в судах и административных органах. Сопоставление этих источников позволило выявить устойчивые паттерны преследования, зафиксировать типичные и показательные случаи и оценить как формальные правоприменительные практики, так и неформальные формы давления, с которыми сталкивались ЛГБТК+ персоны в 2025 году.

1. Административное преследование: когда частная жизнь становится «пропагандой»

1.1. Масштабы применения статьи 6.21 КоАП

В 2025 году зафиксировано 117 дел против физических лиц по статьям 6.21 и 6.21.2 КоАП РФ («пропаганда нетрадиционных половых отношений и смены пола» и «распространение материалов, демонстрирующих нетрадиционные половые отношения и могущие вызвать интерес к смене пола среди несовершеннолетних»).

Анализ оснований привлечения к ответственности показывает качественный сдвиг: теперь большая часть таких дел связана не с обращением к неопределённому кругу лиц, а с демонстрацией или фиксацией личной жизни.

В качестве «пропаганды» квалифицировались чаще всего, как и прежде, публикации в социальных сетях в поддержку ЛГБТК+ сообщества.

Также данная статья применялась в следующих случаях размещения онлайн-контента:

- размещение гей-порнографического контента;
- фотографии с ЛГБТК+ флагами, включая архивные изображения с прайдов;
- художественные и иронические изображения, включая «крашеного Путина»;
- личные фотографии с поцелуями, объятиями и совместным купанием в ванной;
- ведение блога о совместной жизни однополрой пары;
- личные фотографии лиц с мужскими документами в женском образе;
- объявления о знакомствах, особенно размещаемые трансгендерными женщинами.

В совокупности со случаями привлечения к административной ответственности за офлайн-присутствие и ранее сформировавшейся практикой административного и уголовного преследования дрег-артистов это привело к фактическому выводу за пределы допустимого любых проявлений феминной идентичности у персон с приписанным мужским гендером. В настоящее время аналогичная правоприменительная практика не затрагивает проявления маскулинной идентичности у персон с приписанным женским гендером. Однако данная асимметрия не свидетельствует о более лояльном отношении государства или общества к отступлениям женщин от предписываемых им гендерных ролей. Напротив, она обусловлена, во-первых, существенно большей вариативностью социально не санкционируемой унисекс-одежды, в рамках которой маскулинные элементы внешности женщин остаются малозаметными для репрессивного правоприменения, и, во-вторых, устойчиво более низким символическим статусом женщин в патриархальной социальной иерархии. В этой логике отклонения женщин от «нормы» воспринимаются как менее значимые и менее угрожающие установленному порядку, тогда как отступление мужчин от маскулинной «нормы» интерпретируется как подрыв символического мужского доминирования и, соответственно, вызывает более жёсткую и показательную карательную реакцию.

1.2. Офлайн-преследование по статье 6.21 КоАП РФ: тело как место правонарушения

2025 год ознаменовался ростом разнообразия дел, связанных с офлайн-присутствием.

Самым распространённым офлайн-правонарушением стало ношение женской одежды человеком с мужскими документами.

Зафиксированы случаи привлечения за поцелуи, попавшие на уличные камеры видеонаблюдения. Попытки привлечения к ответственности за взаимодействие на улице встречались и в 2024 году, но тогда либо привлечение было основано на признании лиц, привлекавшихся к ответственности, либо суд в конечном итоге не усматривал состава правонарушения. В 2025 году закрепились противоположная репрессивная практика.

Нередко встречалось и преследование за присутствие на ЛГБТК+ вечеринках, в том числе на основании фотографий, опубликованных третьими лицами (в одном случае — известным анти-ЛГБТ активистом).

Таким образом, тело и его внешний вид окончательно становятся объектом административного контроля, а граница между частным и публичным фактически исчезает.

Отдельного внимания заслуживает случай привлечения к административной ответственности за шуточный поцелуй с памятником. Когда юноша был привлечён к ответственности за то, что поцеловал памятник в губы на глазах у своих несовершеннолетних приятелей. Примечательно, что «нетрадиционность» была усмотрена судом сразу в двух аспектах: поцелуй мужчины с памятником как пропаганда отношений с лицом своего пола и сам по себе поцелуй с памятником как отклонение от «традиционных» форм сексуальности.

Этот эпизод наглядно демонстрирует, что правоприменение не просто утратило связь с принципом правовой определённости, но и фактически перешло в сферу символической дисциплинарной власти, где объектом регулирования становятся жесты, телесность и ирония. Логическим следствием такого подхода остаётся открытый вопрос: допустим ли, например, поцелуй собаки в нос или и здесь возможны интерпретации?

1.3. Угрозы привлечения к административной ответственности по статье 6.21 КоАП РФ

Помимо фактического привлечения к административной ответственности по статье 6.21 КоАП РФ, в 2025 году широкое распространение получили угрозы такого привлечения, которые использовались как самостоятельный инструмент давления на ЛГБТК+ персон и создавали выраженный охлаждающий эффект. Практически любой частный конфликт — в семье, по месту учёбы или работы, в образовательных учреждениях, а также в иных бытовых ситуациях — мог быть трансформирован в угрозу доноса о «пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений». Особенно часто этот механизм применялся родственниками ЛГБТК+ персон в отношении их партнёров и самих ЛГБТК+ людей с целью прекращения нежелательных для семьи отношений. Аналогичные угрозы фиксировались в учебных заведениях, включая школы, со стороны администраций и родителей учащихся.

Отдельную группу составляют ситуации, в которых любое взаимодействие ЛГБТК+ персон с правоохранительными органами — независимо от повода — сопровождалось риском привлечения по статье 6.21 КоАП РФ. В ряде случаев иностранным гражданам отказывали во въезде в Российскую Федерацию после просмотра содержимого их мобильных телефонов, если на устройствах обнаруживались личные фотографии, свидетельствующие об однополых отношениях; само наличие таких изображений квалифицировалось как «пропаганда». Аналогичным образом при выезде из страны отдельные лица получали официальные предостережения о недопустимости правонарушений по статье 6.21 КоАП РФ. Зафиксированы также случаи, когда в ходе процессуальных действий, не связанных с вопросами СОГИ, правоохранительные органы выявляли информацию о сексуальной ориентации или гендерной идентичности лица, после чего к нему приходил участковый с предупреждением о возможном

привлечении к ответственности по статье 6.21 КоАП РФ в случае, если соответствующие «взаимодействия» не будут прекращены.

Количественно оценить распространённость подобных угроз не представляется возможным, поскольку в большинстве случаев они не только не оформляются процессуально, но и не являются отдельным предметом обращения. Значительный массив информации о подобных угрозах проявляется фрагментарно и косвенно, в виде упоминаний «по ходу дела», как фонового обстоятельства частных конфликтов, взаимодействия с родственниками, образовательными учреждениями или правоохранительными органами.

2. «Экстремизм» как универсальный инструмент давления

2.1. Административный «экстремизм»

В 2025 году зафиксировано 41 дело по статье 20.3 КоАП РФ (экстремистская символика) в отношении физических лиц. Во многих случаях эта статья применяется в связке с 6.21, усиливая санкции и формируя образ лица как потенциально опасного субъекта.

Данная статья стабильно использовалась преимущественно за публикации радужных флагов и других флагов ЛГБТК+ сообщества, а также за фотографии с прайдов. Никаких важных изменений не произошло.

2.2. Уголовные дела по экстремистским статьям

Экстремистское уголовное законодательство в 2025 году начало применяться как инструмент криминализации ЛГБТК+ идентичности чаще, чем в 2024. Однако нельзя утверждать, что оно применяется только к ЛГБТК+ персонам, о чём свидетельствует, например, уголовное преследование людей, которые участвовали в распространении того или иного ЛГБТК+ контента и о принадлежности которых к ЛГБТК+ ничего не известно.

Применение статьи 282.2 Уголовного кодекса становится всё более распространённым способом уголовного преследования за любую деятельность, связанную с ЛГБТК+ сообществом, включая работу гей-клубов и баров, ЛГБТК+ активизм, распространение литературы с ЛГБТК+ персонажами, обычную жизнь сообщества и в отдельных случаях — само выражение идентичности.

На данный момент известно о 17 уголовных делах, возбуждённых по обвинениям в «ЛГБТ-экстремизме», многие из которых рассматриваются в отношении нескольких обвиняемых. Среди обвиняемых — как ЛГБТК+ активисты, хорошо известные российским властям, так и обычные ЛГБТК+ люди, ранее не находившиеся в поле зрения правоохранительных органов и уголовное преследование которых стало результатом доносов со стороны гомофобных групп. Один из обвиняемых уже скончался в следственном изоляторе, другие получили приговоры в виде лишения свободы сроком от двух до шести лет.

При этом остаётся неясным, какие именно юридические признаки образуют состав преступления, предусмотренного частями 1 и 2 статьи 282.2 Уголовного кодекса. В результате ЛГБТК+ люди лишены возможности предсказать, может ли их публичная или частная деятельность быть квалифицирована как уголовно наказуемая в соответствии с данной нормой.

Общая динамика:

- 11 уголовных дел перешли с 2024 года на 2025 год;

- 3 приговора вынесены в 2025 году по делам, возбуждённым ранее; 3 приговора вынесены в 2025 году по делам, возбуждённым в 2025 году;
- 13 уголовных дел по состоянию на начало 2026 года, возбуждённых в 2025 или даже ещё в 2024 годах, остаются в стадии предварительного расследования или рассмотрения дела судом, что указывает на системную практику удержания людей в состоянии длительной правовой неопределённости.

Февраль 2026 года. Приговор осуждённого к лишению свободы по ч. 1 ст. 282.2 — 6 лет лишения свободы

В феврале 2025 года был вынесен приговор в отношении осуждённого, отбывавшего наказание в исправительной колонии строгого режима № 37 в Гурьевске. В рамках нового уголовного дела он был назван сторонником так называемого «международного ЛГБТ-движения» и обвинён в том, что якобы «вовлекал других осуждённых в деятельность данного движения».

На момент возбуждения дела он уже отбывал наказание в виде 18 лет лишения свободы по приговору за несколько эпизодов сексуализированного насилия в отношении несовершеннолетнего. Тем не менее в отношении него было возбуждено новое уголовное дело по части 1 и части 2 статьи 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (организация деятельности экстремистской организации и участие в её деятельности). По совокупности приговоров он был осуждён на 6 лет лишения свободы, а с учётом неотбытой части предыдущего наказания — на 15 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

При этом обстоятельства дела вызывают серьёзные вопросы с точки зрения фактической возможности совершения вменяемых деяний. Лицо, находящееся в условиях строгого режима, объективно лишено доступа к средствам коммуникации, включая интернет, и не может осуществлять какую-либо публичную, организационную или информационную деятельность, которая обычно лежит в основе обвинений по статье 282.2 УК РФ. Отсутствуют публично доступные сведения о том, какие именно действия были расценены как «вовлечение» других осуждённых в деятельность экстремистской организации и в чём конкретно выразилась эта деятельность.

В этой связи представляется вероятным, что уголовное преследование могло быть связано не с какой-либо формой активизма или организационной деятельности, а с проявлениями сексуальной ориентации или гендерной идентичности в условиях лишения свободы. Вместе с тем подчеркнём, что в отсутствие доступа к материалам дела невозможно с уверенностью утверждать, какие именно фактические обстоятельства легли в основу обвинения.

Однако данный случай следует рассматривать в более широком контексте функционирования пенитенциарной системы. Известно, что гомосексуальные мужчины в местах лишения свободы традиционно занимают крайне низкое положение в неформальной иерархии осуждённых и регулярно подвергаются насилию, в том числе сексуализированному, а также унижениям и стигматизации. Эти практики, как правило, не только известны администрации учреждений, но нередко ею терпимо воспринимаются или игнорируются.

На этом фоне уголовное преследование осуждённого по экстремистской статье за предполагаемое «вовлечение» других заключённых в деятельность «ЛГБТ-движения» выглядит особенно противоречивым. Оно создаёт впечатление ситуации, при которой лицо, находящееся внутри репрессивной и иерархически организованной системы, в значительной степени воспроизводящей дискриминационные практики, оказывается привлечено к дополнительной уголовной ответственности за «экстремизм» в рамках той же самой системы, которая обычно не препятствует дискриминации и насилию в отношении ЛГБТК+ людей.

Даже без установления конкретных фактических обстоятельств данного дела, сам по себе этот случай демонстрирует опасную тенденцию к расширительному и произвольному применению статьи 282.2 УК РФ в условиях лишения свободы, где любые формы выражения идентичности могут быть интерпретированы как участие в деятельности экстремистской организации, а границы уголовно наказуемого поведения остаются принципиально непредсказуемыми.

Март 2025 года. Приговор Илье Журавлёву, вынесенный Инзенским районным судом по ч. 2 ст. 282.2 — 3 года лишения свободы

Уголовное дело было возбуждено в августе 2024 года в отношении Ильи Журавлёва, главного врача регионального диализного центра в Ульяновске. Это дело стало первым случаем, в котором в качестве «экстремистской деятельности» была квалифицирована ситуация, не связанная ни с индивидуальным, ни с организационным ЛГБТК+ активизмом. Журавлёв руководил медицинским учреждением, а также центром оздоровительных практик, оказывавшим услуги в сфере традиционной медицины.

По версии обвинения, Журавлёв оказывал давление на подчинённого с целью вступления в однополые сексуальные отношения. Следственные органы и прокуратура связали эти действия с «сатанизмом» через так называемую «ЛГБТ-пропаганду», интерпретируя предполагаемое поведение Журавлёва как участие в деятельности «международного ЛГБТ-движения», признанного экстремистским. Таким образом, предполагаемое сексуальное принуждение было концептуально увязано с экстремистской деятельностью исключительно через гомосексуальный характер предполагаемых отношений.

Принципиально важно отметить, что инкриминируемые Журавлёву действия в части принуждения к сексуальным отношениям полностью и исчерпывающе охватываются составом статьи 133 УК РФ (принуждение к действиям сексуального характера). Привлечение к ответственности по данной статье само по себе является редкой практикой: в среднем по Российской Федерации возбуждается не более десяти таких дел в год, что указывает на исключительный и селективный характер её применения в данном случае. Это позволяет сделать вывод о том, что статья 133 была использована избирательно — именно в отношении лица, обвиняемого в гомосексуальном поведении.

При этом применение состава части 2 статьи 282.2 УК РФ (участие в деятельности экстремистской организации) не связано с наличием в фактической стороне дела каких-либо дополнительных действий, выходящих за рамки предполагаемого сексуального принуждения. Напротив, анализ обвинения показывает, что экстремистская составляющая вменяется не за способ или форму воздействия, а исключительно за сам характер предполагаемых сексуальных отношений как гомосексуальных. Иными словами, в логике следствия и суда именно предложение или навязывание однополых отношений квалифицируется как участие в экстремистской деятельности, тогда как элемент принуждения остаётся юридически релевантным лишь в рамках статьи 133 УК РФ и не влияет на квалификацию по экстремистской статье.

В 2025 году Илья Журавлёв был приговорён к трём годам лишения свободы в колонии-поселении по совокупности преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 133 УК РФ и частью 2 статьи 282.2 УК РФ. Кроме того, суд обязал его выплатить 150 000 рублей в качестве компенсации морального вреда потерпевшему. Журавлёв также был включён в перечень лиц, причастных к экстремистской и террористической деятельности, который ведётся Росфинмониторингом, что повлекло для него дополнительные финансовые и гражданско-правовые ограничения.

Данное дело демонстрирует принципиально новую и опасную логику правоприменения, при которой сама гомосексуальная природа предполагаемых отношений рассматривается как достаточное основание для квалификации действий в качестве экстремистских, независимо от наличия или отсутствия иных общественно опасных признаков. В такой конструкции уголовно наказуемым становится не конкретное деяние, а сексуальная ориентация как таковая, что фактически означает криминализацию СОГИ через расширительное и произвольное применение экстремистского законодательства.

Ноябрь 2025 года. Приговор по делу Андрея Котова по части 1 и части 2 статьи 282.2 УК РФ. Дело прекращено в связи со смертью, но судом установлено наличие состава преступления

Дело Андрея Котова, директора туристического агентства Gay-Travel, стало одним из ключевых примеров расширительного и концептуально противоречивого применения статьи 282.2 УК РФ в отношении ЛГБТК+ деятельности. Агентство специализировалось на организации туристических поездок для гей-мужчин и не осуществляло публичной или политической активности.

28 ноября 2024 года в доме Котова был проведён обыск с изъятием электронных носителей. В тот же день он был задержан, а 29 ноября суд избрал меру пресечения в виде заключения под стражу. Котову были предъявлены обвинения по части 1 статьи 282.2 УК РФ (организация деятельности экстремистской организации) и части 2 статьи 282.2 УК РФ (участие в её деятельности).

Согласно позиции обвинения, Котов зарегистрировал юридическое лицо для организации туристических мероприятий, в рамках которых якобы осуществлялась «пропаганда идеологии ЛГБТ-движения». При этом не только организация поездок, но и **само участие в них** было квалифицировано как участие в деятельности экстремистской организации. Фактически единственным доказательством «пропаганды» послужила сексуальная ориентация целевой аудитории агентства.

В ходе расследования материалы уголовного дела, включая персональные данные Котова, утекали в провластные СМИ, однако эти обстоятельства не стали предметом эффективного расследования. В декабре 2024 года Андрей Котов скончался в следственном изоляторе. Несмотря на это, уголовное дело не было прекращено и продолжило рассматриваться судом в 2025 году.

14 ноября 2025 года суд признал Андрея Котова виновным как в организации деятельности экстремистской организации (часть 1 статьи 282.2 УК РФ), так и в участии в её деятельности (часть 2 статьи 282.2 УК РФ), и прекратил дело в связи с его смертью. Свидетели обвинения при этом указывали, что в действиях Котова отсутствовали признаки как экстремизма, так и «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений».

Юридическое значение данного решения состоит в том, что суд фактически признал преступлением не только организацию мероприятий, на которых, по его мнению, имела место «пропаганда», но и **само участие в таких мероприятиях**. Суд не разъяснил, чем участие в туристической поездке для гей-мужчин отличается от посещения гей-клубов или иных ЛГБТК+ мероприятий, посетители которых, как правило, привлекаются лишь к административной ответственности.

В результате по делу Котова вкупе с анализом другой правоприменительной практики была сформирована следующая правоприменительная логика:

- если лицо «просто» осуществляет «пропаганду ЛГБТ», применяется статья 6.21 КоАП РФ;
- если «пропаганда» осуществляется в рамках мероприятия — также статья 6.21 КоАП РФ;
- если лицо организует мероприятие с целью «пропаганды», наступает уголовная ответственность по части 1 статьи 282.2 УК РФ;
- если же лицо одновременно организует мероприятие, участвует в нём и, по версии следствия, осуществляет там «пропаганду», оно подлежит уголовной ответственности по части 2 статьи 282.2 УК РФ за участие в деятельности экстремистской организации.

Следует понимать, что данная конструкция не вытекает из закона и не отражает реальных действий Андрея Котова, а является продуктом анализа существующих приговоров, прежде всего — приговоров Андрею Котову и Павлу Иванюку (сентябрь 2025 года, см. далее), однако она наглядно демонстрирует, каким образом в 2025 году экстремистское законодательство используется для трансформации любой формы ЛГБТК+ социального взаимодействия, от организации поездок до простого участия в них, в уголовно наказуемое деяние.

Новые уголовные дела 2025 года

В течение 2025 года возбуждено 9 уголовных дел именно в связи с признанием «международного движения ЛГБТ» экстремистской организацией

Приговоры вынесены по трём из возбуждённых в 2025 году делам.

Дело Павла Иванюка. Возбуждено в феврале 2025. Приговор в сентябре 2025 года. Тульское дело (ч. 2 ст. 282.2) — 2 года условно

В начале сентября 2025 года был вынесен приговор Павлу Иванюку. Ранее, в начале февраля 2025 года, ему было предъявлено обвинение в участии в деятельности экстремистской организации; 9 сентября 2025 года суд приговорил его к двум годам лишения свободы условно.

Основанием для уголовного преследования послужили действия Павла Иванюка, выразившиеся в размещении в мессенджере Telegram материалов с призывами к ЛГБТК+ персонам бороться за свои права, а также в организации у себя дома встреч для мужчин. Эти действия были квалифицированы как участие в деятельности экстремистской организации по части 2 статьи 282.2 УК РФ.

Хотя приговор по делу Иванюка хронологически предшествует вынесению приговора по делу Андрея Котова, по своей правовой конструкции это дело воспроизводит ту же модель расширительного применения экстремистского законодательства, которая впоследствии была окончательно закреплена судом. В рамках этой модели уголовно значимым признаётся не наличие какой-либо организационной структуры или реальной экстремистской деятельности, а совокупность ЛГБТК+ социальных практик, интерпретируемых как формы участия в деятельности «международного движения ЛГБТ».

В логике, применяемой в деле Павла Иванюка, организация встреч для ЛГБТК+ персон рассматривается как уголовно наказуемая экстремистская деятельность. Размещение материалов с призывами к борьбе за свои права квалифицируется как форма участия в деятельности экстремистской организации. При этом размещение материалов, связанных с ЛГБТК+ тематикой,

но не содержащих призывов к активным действиям, продолжает квалифицироваться как «пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений» и влечёт за собой административную ответственность по статье 6.21 КоАП РФ, не образуя состава уголовного преступления.

Таким образом, дело Павла Иванюка демонстрирует промежуточный этап формирования правоприменительной практики, в которой граница между административной ответственностью за «пропаганду» и уголовной ответственностью за «экстремизм» проводится не по объективным признакам общественной опасности, а по интерпретации активности как призыва к коллективному действию. Впоследствии эта логика была воспроизведена и расширена в деле Андрея Котова, где уголовно наказуемым было признано уже не только призывание и организация, но и само участие в ЛГБТК+ мероприятиях.

Дело К. Возбуждено в феврале 2025 года. Приговор в декабре 2025 года по ч. 1 ст. 282. УК РФ — 2 года 6 месяцев лишения свободы с отбыванием в ИК общего режима

9 декабря 2025 года Черкесский городской суд признал персону К. виновной в участии в деятельности экстремистской организации по части 2 статьи 282.2 УК РФ. Основанием для привлечения к уголовной ответственности послужили комментарии, оставленные К. в чате мессенджера Telegram.

Принципиально важно, что данный чат не был создан или администрировался К. Он лишь размещал в нём комментарии, которые суд квалифицировал как распространяющие идеи, «не соответствующие духовно-нравственным ценностям российского общества», в том числе идеи «вседозволенности и безнравственности», якобы пропагандируемые ЛГБТ-сообществом. Таким образом, уголовная ответственность была возложена не за создание или организацию коммуникационной площадки, а за участие в обсуждении на стороннем ресурсе.

При этом приговор по делу был засекречен, что исключает возможность публичного анализа того, какие именно высказывания и в какой форме были признаны уголовно наказуемыми. В результате границы допустимого поведения для ЛГБТК+ персон в онлайн-коммуникации остаются неопределёнными и непредсказуемыми.

Информация на сайте суда позволяет предположить, что в отношении администратора чата также возбуждено уголовное дело по части 1 статьи 282.2 УК РФ, но более подробной информации об этом найти не удалось.

Дело Саши Казанцевой. Возбуждено летом или осенью 2025 года. Заочно вынесен приговор по ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ — 9 лет лишения свободы по совокупности с другими обвинениями

В отношении активистки и блогерки Саши Казанцевой было возбуждено уголовное дело по обвинению в вовлечении в деятельность экстремистской организации (предположительно, часть 1.1 статьи 282.2 УК РФ). Дело рассматривалось заочно, поскольку Казанцева находилась за пределами Российской Федерации.

18 декабря 2025 года суд приговорил Сашу Казанцеву к 9 годам лишения свободы. Основанием для обвинения послужила её деятельность в качестве публичной фигуры и автора контента, в котором она последовательно освещала вопросы прав ЛГБТК+ персон и анализировала практики дискриминации и преследования. Данный приговор укладывается в общую тенденцию 2025 года, в рамках которой фокус уголовного преследования сместился от ЛГБТК+ бизнесов к ЛГБТК+ активистам и публичным авторам, чья деятельность интерпретируется правоохранительными органами как форма участия или вовлечения в деятельность «международного ЛГБТ-движения».

Дела, возбуждённые в 2025 году, но пока не рассмотренные судом

Дело сотрудников издательства «ЭКСМО» (ранее «Popcorn Books» и «Individuum»). Москва. Май 2025 года, статья 282.2, часть 1.1 УК РФ

В мае 2025 года Замоскворецкий районный суд Москвы избрал меру пресечения в виде домашнего ареста в отношении трёх сотрудников издательства «ЭКСМО» (ранее «Popcorn Books» и «Individuum»). В отношении ещё десяти сотрудников были проведены обыски. В ходе следственных действий правоохранительные органы изъяли более тысячи экземпляров книг, которые, по версии следствия, «пропагандировали ЛГБТ-движение, признанное экстремистской организацией». На деле шла речь о распространении через индивидуальных предпринимателей не распроданного до признания экстремистским «международного движения ЛГБТ» тиража ранее изданных произведений.

Следственный комитет Российской Федерации предъявил обвинения по части 1.1 статьи 282.2 УК РФ — «вовлечение, склонение или иные формы привлечения лица к участию в деятельности экстремистской организации». Основанием для обвинения стало издание и распространение литературы с ЛГБТК+ персонажами и тематикой. При этом сам акт издания имел место до криминализации участия в «международном движении ЛГБТ». Данное дело иллюстрирует применение экстремистского законодательства к сфере культурного производства и распространения информации без признаков организационной или политической деятельности и ярко показывает, как влияет на общество в целом, в том числе на цисгетеросексуальную его часть, преследование ЛГБТК+. Впоследствии издательство «ЭКСМО» объявило о мерах, принятых им во избежание повторения подобной ситуации; подробное описание этих мер приводится ниже. Однако как судьба трёх сотрудников, подвергшихся уголовному преследованию, так и последующие расходы самого издательства, а также затраты государства на работу следственных органов, содержание обвиняемых в следственном изоляторе и их последующее содержание в исправительных учреждениях, представляют собой совокупную цену, которую общество платит за преследование ЛГБТК+. Данная практика не имеет какого-либо выявленного положительного социального эффекта.

Дело Ярослава Сироткина. Ярославль. Июнь 2025 года, статья 282.2, часть 2 УК РФ

В июне 2025 года Следственный комитет возбудил уголовное дело в отношении ЛГБТК+ активиста Ярослава Сироткина по обвинению в участии в деятельности экстремистской организации (часть 2 статьи 282.2 УК РФ).

По версии обвинения, в период с декабря 2023 года по январь 2024 года Сироткин участвовал в деятельности так называемого «международного ЛГБТ-движения», публикуя 14 постов и видеоматериалов, которые были квалифицированы как «ЛГБТ-пропаганда», а также как материалы, направленные на «оправдание и вовлечение» в деятельность движения.

Ранее, в апреле 2022 года, Сироткин был признан «иностранным агентом». В последующие годы он неоднократно привлекался к административной ответственности за неисполнение обязанностей «иностранным агентом», а в 2024 году в отношении него было возбуждено уголовное дело по части 2 статьи 330.1 УК РФ. В июне 2025 года он также был включён в перечень лиц, причастных к экстремистской и террористической деятельности, который ведёт Росфинмониторинг. Дело Сироткина демонстрирует кумулятивное применение законодательства об «иноагентах» и экстремизме в отношении ЛГБТК+ активистов.

Дело Николая Родькина. Омск. Июнь 2025 года, статья 282.2, часть 2 УК РФ

В июне 2025 года было возбуждено уголовное дело в отношении омского активиста Николая Родькина по обвинению в участии в деятельности экстремистской организации (часть 2 статьи 282.2 УК РФ). Основанием для обвинения стало утверждение следственных органов о том, что Родькин принимал участие в деятельности «международного ЛГБТ-движения».

Дополнительно в рамках расследования анализируются его связи с организациями, связанными с Алексеем Навальным, а также участие в создании Омского гражданского объединения. В 2022 году организация была вынуждена покинуть Россию по соображениям безопасности, в июле 2023 года была признана «иностранным агентом», а в октябре 2024 года ликвидирована после признания экстремистской. В 2025 году преследованию подверглись и другие соучредители проекта. Дело Родькина иллюстрирует совмещение обвинений в «ЛГБТ-экстремизме» с политически мотивированными обвинениями.

Дело сотрудников салона эротического массажа. Калининград. Ноябрь 2025 года, статья 282.2, части 1 и 2 УК РФ

20 ноября 2025 года в Калининграде Следственный комитет возбудил уголовное дело в отношении пяти лиц, связанных с деятельностью салона эротического массажа. Как и в деле Андрея Котова, обвинения были предъявлены одновременно по части 1 статьи 282.2 УК РФ (организация деятельности экстремистской организации) и части 2 статьи 282.2 УК РФ (участие в её деятельности). Трое фигурантов также обвиняются в организации занятия проституцией.

На данный момент публично неизвестно, какие конкретные действия были квалифицированы как экстремистская деятельность, а также каким образом следствие разграничивает организацию и участие в деятельности «экстремистской организации» в данном деле. В отсутствие ясных критериев это дело создаёт дополнительные риски политически мотивированного уголовного преследования ЛГБТК+ секс-работников и работников смежных сфер.

Дело организаторов закрытых ЛГБТК+ вечеринок с дрэг-шоу. Ульяновская область. Декабрь 2025 года, статья 282.2 УК РФ

5 декабря 2025 года были возбуждены уголовные дела в отношении трёх организаторов закрытых ЛГБТК+ вечеринок, на которых проводились дрэг-шоу. Всем фигурантам вменяется участие в деятельности экстремистской организации по статье 282.2 УК РФ.

Данные дела были возбуждены вскоре после вынесения приговора по делу Ильи Журавлёва и укладываются в устойчивую региональную практику Ульяновской области, связанную с применением экстремистского законодательства именно в контексте «международного движения ЛГБТ». Эти дела демонстрируют продолжение линии уголовного преследования за организацию и проведение культурно-развлекательных мероприятий, адресованных ЛГБТК+ аудитории.

Сводка в цифрах

Дела, начатые в 2024 и рассмотренные/не рассмотренные в 2025:

- Перешло из 2024 в 2025: 11 дел.
- Рассмотрены в 2025 (приговоры): 3 дела.
- Не рассмотрены и перешли в 2026: 8 дел.

Дела, возбуждённые в 2025:

- Возбуждено в 2025: 8 дел.
- Рассмотрены в 2025 (приговоры): 3 дела.
- Не рассмотрены и перешли в 2026: 5 дел.

Итого на 2026:

- Всего дел, перешедших в 2026: 13 дел (8 + 5).

По совокупности оставшихся дел проходит, по меньшей мере, 21 обвиняемый.

Важно подчеркнуть, что приведённые выше количественные показатели не являются исчерпывающими. По меньшей мере, имеется информация ещё об одном уголовном деле в отношении администратора Telegram-канала, однако найти о нём подробности не удалось. Кроме того, сведения о возбуждении уголовных дел нередко становятся известны с существенной задержкой либо вовсе не попадают в публичное поле или в поле мониторинга правозащитных организаций.

В течение 2025 года в «Выход» поступили обращения, свидетельствующие о непосредственных рисках возбуждения уголовного дела как минимум для **7** ЛГБТК+ персон. В большинстве этих случаев дальнейшая судьба персон осталась неизвестной, поскольку выходящие на связь лица прекратили коммуникацию. Известно, что по меньшей мере **в одном случае** человек заключил контракт на прохождение военной службы в качестве способа избежать уголовного преследования.

Совокупность этих обстоятельств указывает на наличие **скрытого массива уголовного давления**, который лишь частично проявляется в виде публично известных дел и приговоров. Реальный масштаб уголовного преследования ЛГБТК+ персон в 2025 году, по всей вероятности, превышает количество задокументированных случаев.

2.3. Угрозы уголовного преследования

Отдельную категорию составляет **41 зафиксированная угроза возбуждения экстремистских уголовных дел**, в том числе в отношении несовершеннолетних. Такие угрозы исходили как от частных лиц, так и со стороны сотрудников органов полиции или ФСБ. В ряде случаев такие угрозы использовались:

1) со стороны сотрудников правоохранительных органов:

- для давления после обысков;
- для запугивания потерпевших;
- для запугивания ЛГБТК+ персон во время проведения полицейских рейдов;
- для принуждения к сотрудничеству;
- для заключения контрактов на прохождение военной службы.

2) со стороны частных лиц:

- для принуждения к вступлению в половую связь;
- как угроза доноса с целью вымогательства или решения проблем в семье.

3. Иные формы уголовного преследования

Помимо «экстремистских» статей, в 2025 году для преследования ЛГБТК+ персон или активности, связанной с ЛГБТК+ сообществом, применялись и иные уголовно-правовые механизмы.

Всего нами задокументировано **8** уголовных дел по иным статьям УК РФ, возбуждённых в этой связи.

В течение года были оставлены в силе приговоры двум студентам по статье 135 УК РФ (развратные действия), возбуждено **3** дела по статье 242 УК РФ за распространение порнографических материалов (в том числе за отправку интимных изображений, фотосъёмку на квир-вечеринке и создание фанфика), зафиксированы по меньшей мере **3** уголовных дела за повторное неисполнение обязанностей «иностранного агента», а также вынесены по меньшей мере **3** приговора по статье 148 УК РФ (оскорбление чувств верующих).

В рамках применения статьи 135 УК РФ в 2025 году были оставлены в силе приговоры по делу Тимура А. и Даниила Р. (Москва), осуждённых за развратные действия за эпизод, произошедший в их собственной квартире. По версии следствия, дети якобы увидели из окна происходящее, которое было интерпретировано как сексуальный контакт. Первоначально студентам вменялись более тяжкие составы, впоследствии перекавалифицированные; оба получили реальные сроки лишения свободы.

По статье 148 УК РФ в июле 2025 года была осуждена Екатерина Филиппова, владелица архангельского гей-клуба «Dark Site», которой назначили 200 часов обязательных работ за размещение православного креста на площадке одной из ЛГБТК+ вечеринок: действие было квалифицировано как публичное оскорбление религиозных чувств.

По статье 242 УК РФ в 2025 году уголовному преследованию подверглись, в частности, Матвей Володин (Москва), контент-креатор, обвинённый в производстве и распространении порнографии, и Евгений Огибенин (Москва), организатор взрослой вечеринки «Free People», в отношении которого уголовное дело сочеталось с крупным административным штрафом по статье 6.21 КоАП РФ.

Отдельным направлением уголовного давления в 2025 году стало применение статьи 330.1 УК РФ (неисполнение обязанностей «иностранного агента») в отношении ЛГБТК+ активистов и руководителей организаций. В частности, уголовному преследованию подвергся Александр Воронов, бывший исполнительный директор ЛГБТК+ группы «Выход», ранее неоднократно привлекавшийся к административной ответственности за нарушения законодательства об «иностранных агентах». Аналогичные меры применялись в отношении Саши Казанцевой, ЛГБТК+ активистки и секс-просветительницы, ранее признанной «иностранным агентом» и неоднократно оштрафованной по административным статьям. В 2025 году её уголовное преследование по линии «иноагентского» законодательства было продолжено в совокупности с обвинениями экстремистского характера и закончилось приговором к 9 годам лишения свободы.

4. Преступления ненависти и отсутствие защиты

4.1. Тяжкие преступления ненависти

В 2025 году зафиксировано **7** тяжких преступлений ненависти, при этом в двух случаях (Дагестан, Чечня) правоохранительные органы не отреагировали вообще. Преступления включали в себя убийства, похищения, ограбления, превышения должностных полномочий с применением насилия по мотивам СОГИ.

Задokumentировано, по меньшей мере, **3** убийства, по одному из которых информация о проведении расследования отсутствует. Также имело место, по меньшей мере, **одно** покушение на убийство по мотивам СОГИ.

Характерным является то, что, как и раньше, преступления, мотивированные ненавистью по признаку СОГИ, не квалифицируются в качестве таковых.

4.2. Иные преступления ненависти

Дополнительно задokumentировано 16 случаев иных преступлений ненависти, включая:

- угрозы убийством и причинением тяжкого вреда по мотивам СОГИ;
- побои (групповые, со стороны родственников, случайных прохожих);
- подставные свидания с последующим насилием и унижением;
- вымогательство после обмена интимными фотографиями;
- нарушение тайны частной жизни.

По всей совокупности этих случаев уголовное дело возбуждено лишь однажды, что демонстрирует фактический отказ государства от защиты ЛГБТК+ персон от насилия.

Когда мы пишем в данном контексте о задokumentированных случаях, то подразумеваем ситуации, содержание которых нами документировано достаточно подробно для того, чтобы можно было сделать вывод о наличии признаков состава преступления.

Вместе с тем случаи, которые имеют первичные признаки нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), имели место не менее чем в **300** случаях; вымогательства (ст. 163 УК РФ), попавшие в поле зрения программ «Выхода», имели место в **37** случаях.

В 2025 году зафиксирована трансформация практики подставных свиданий в отношении ЛГБТК+ персон. В тех случаях, когда целью злоумышленников является именно вымогательство, схемы в значительной степени «переехали» в онлайн-среду. Это связано как с расширением набора угроз, используемых для давления на потерпевших, включая угрозы возбуждения уголовных дел по экстремистским статьям и обвинения в распространении порнографических материалов за обмен интимными изображениями при онлайн-знакомствах, так и с устойчивым отсутствием реакции со стороны правоохранительных органов на подобные преступления, совершаемые в цифровом пространстве. Вместе с тем офлайн-подставные свидания не исчезли, и в отличие от онлайн-эпизодов, по ним по-прежнему формируется практика уголовного преследования, при которой потерпевшим, как правило, не угрожает привлечение к ответственности за «пропаганду» или «экстремизм».

Показательным является инцидент, произошедший в октябре 2025 года в Москве на Павелецком вокзале, где был задержан обвиняемый в нападении и грабеже в ходе подставного свидания. По словам потерпевшего, на него напали пять человек, удерживали в закрытом помещении, избивали, угрожали насильственным вывозом, подбросили наркотики и использовали угрозы уголовного преследования, включая угрозы убийством, с целью вымогательства денежных средств, которые он в итоге перевёл злоумышленникам. Характерно, что если ранее подобные преступления чаще совершались в арендованных квартирах, то в данном случае они происходили в общественном месте; при этом ни охрана вокзала, ни сотрудники Росгвардии не вмешались, когда потерпевшего силой выводили с территории вокзала. В ноябре 2025 года в Москве также была задержана группа подростков, организующих подставные свидания и занимающихся грабежом гомосексуальных мужчин.

Совокупность этих эпизодов указывает на сохраняющуюся готовность правоохранительных органов реагировать на офлайн-насилие и вымогательство в рамках подставных свиданий, несмотря на общее ужесточение репрессивной политики в отношении ЛГБТК+ персон. Одновременно это подчёркивает растущий разрыв между офлайн- и онлайн-пространством: если в первом уголовное преследование злоумышленников всё ещё возможно, то во втором подставные свидания и вымогательство фактически остаются в зоне ограниченной или отсутствующей правовой защиты для потерпевших.

5. Правоохранительные органы как субъект внепроцессуального преследования

В 2025 году роль правоохранительных органов в преследовании ЛГБТК+ персон вышла далеко за рамки бездействия или формального реагирования на отдельные инциденты. Правоприменительная практика демонстрирует системное и многоуровневое участие государственных органов в создании и поддержании репрессивной среды, в том числе вне рамок формального привлечения к административной или уголовной ответственности. Такое участие носит как прямой, так и опосредованный характер и охватывает широкий спектр ситуаций: от частных конфликтов до публичной культурной и образовательной деятельности.

Одним из устойчивых механизмов стало использование контрзаявлений против самих потерпевших. Хотя случаев подачи контрзаявлений зафиксировано значительно больше, в 2025 году задокументированы как минимум **два** случая, в которых такие контрзаявления привели к реальному процессуальному производству, в которых юридическую помощь оказывали юристы «Выхода». Помимо этого, зафиксированы **три** случая подставных знакомств и вымогательства, в которых угрозы уголовного преследования реализовывались с участием сотрудников правоохранительных органов. Также отмечались угрозы возбуждения дел после и во время рейдов, а также давление на людей, находящихся в СИЗО и исправительных колониях по делам, не связанным напрямую с ЛГБТК+ тематикой.

В 2025 году было зафиксировано **18 рейдов** не только в местах, прямо связанных с ЛГБТК+ сообществом, но и в иных местах. Например, на БДСМ-площадках под предлогом поиска «пропаганды», в книжных магазинах и на книжных фестивалях, в частных квартирах, а также на мероприятиях, организованных политическими партиями. В ряде случаев проверки проводились и в не связанных с ЛГБТК+ сообществом местах, где «пропаганда» выявлялась ситуативно.

Рейды были связаны с унижением, психологическим и физическим насилием, в некоторых случаях доходящим до тяжёлых избиений, аутингом, насильственным многочасовым удержанием и зачастую сопровождалась задержаниями десятков людей в ходе одного рейда, привлечением к административной ответственности.

Параллельно применялись меры административного и квази-административного воздействия: отменялись мероприятия, лекции и концерты; проводились проверки образовательных учреждений; отзывались прокатные удостоверения и осуществлялась цензура фильмов; приостанавливалась работа площадок после доносов; проводились проверки НКО; вводились запреты на ЛГБТК+ контент на фестивалях и комикконах.

Отдельного внимания заслуживает цифровое измерение преследования. В 2025 году стало публично известно о **23** случаях блокировок сайтов, включая ресурсы ЛГБТК+ организаций, а также не менее **8** иных блокировок, затронувших онлайн-магазины за продажу товаров с ЛГБТК+ символикой, контент в кино и видеоиграх, сайты медицинских организаций с информацией о

смене пола (не менее **двух** случаев), материалы на не ЛГБТК+ сайтах и целые сайты, сайты знакомств и даже сайт с детскими раскрасками. В одном случае после блокировки было возбуждено уголовное дело. На фоне этого была зафиксирована как минимум **одна** ситуация самоцензуры со стороны ЛГБТК+ организации, напрямую связанная с давлением со стороны государства. Мера отчаянная, хотя и бессмысленная.

Наконец, в 2025 году правоохранительные органы использовали и иные формы прямого давления, не связанные с тематикой «пропаганды» как таковой. Зафиксированы требования заключить контракт на военную службу под угрозой возбуждения дел по экстремистским статьям или с применением физического насилия; по меньшей мере в четырёх случаях такое давление привело к фактическому подписанию контрактов. Также отмечены случаи постановки на воинский учёт трансгендерных женщин, сменивших документы.

Эта практика имеет вполне осязаемую цену, которую платят не только ЛГБТК+ персоны. Рейды и проверки затрагивают книжные магазины, фестивали, культурные и образовательные пространства, вечеринки и частные мероприятия, не имеющие отношения к ЛГБТК+ тематике. Это означает, что человек может прийти в публичное или полупубличное место по самым обычным причинам и столкнуться с унижением, силовым задержанием и произвольным вмешательством государства. Одновременно растёт стоимость книг и культурных продуктов, исчезают площадки и события, усиливается цензура и самоограничение. В результате репрессивная логика, формально направленная против ЛГБТК+, превращается в механизм, который делает общественное пространство более опасным, бедным и непредсказуемым для всех.

6. Доносы

В 2025 году донос как инструмент давления приобрёл новую конфигурацию: публичные доносы стали заметно более распространёнными, чем непубличные. Было зафиксировано **20** публичных доносов о «пропаганде» или «экстремизме» и задокументировано **9** непубличных. Непубличные доносы, как правило, исходили от анти-ЛГБТ активистов, родственников или случайных лиц и нередко заканчивались рейдами, увольнениями, привлечением к ответственности по статье 6.21 КоАП РФ либо не приводили к формальным последствиям.

Публичные доносы, напротив, всё чаще используются как самостоятельный способ расправы и публичного давления, в том числе в отношении общественных и политических фигур, чья деятельность не связана с СОГИ; обвинения в «ЛГБТ-пропаганде» в таких случаях служат универсальным стигматизирующим ярлыком. Характерным примером является требование лишить родительских прав экоактивиста за якобы «пропаганду ЛГБТ» в отношении собственной дочери. Вероятной причиной смещения в сторону публичных доносов является их высокая эффективность в условиях медиатизации репрессий: публичный донос не только повышает вероятность реакции со стороны правоохранительных органов и надзорных структур, но и запускает механизм общественного давления и самодисциплины, делая формальное правоприменение вторичным по отношению к репутационному ущербу и страху. Угрозы доносов использовались преимущественно в частных конфликтах со стороны родственников, родственников партнёров, а также командиров срочной службы: как способ немедленного принуждения и контроля, даже без фактического обращения в государственные органы.

7. Цензура как системный инструмент: от административных дел к управлению культурой

Ключевой особенностью 2025 года стало развитие анти-ЛГБТ законодательства из инструмента точечного давления в **механизм структурного управления культурным и информационным пространством**. Преследование ЛГБТК+ персон в этот период нельзя рассматривать изолированно от масштабной цензурной политики, охватывающей книгоиздание, кино, онлайн-платформы, фестивали, игры и образовательные пространства.

В отличие от предыдущих лет, когда государство в основном реагировало на уже опубликованный контент, в 2025 году акцент сместился на **превентивное подавление**: самоцензуру, отказ от публикаций, удаление контента «на всякий случай», уничтожение тиражей и блокировку доступа без судебного контроля.

8. Преследование книжного бизнеса: от штрафов к уничтожению литературы

8.1. Общая картина

В 2025 году книжная индустрия стала одной из наиболее уязвимых сфер в контексте анти-ЛГБТ репрессий. Зафиксированы следующие формы давления:

- 1 уголовное дело;
- 18 случаев привлечения к административной ответственности по ст. 6.21 КоАП (из всего 46 документированных случаев привлечения юридических лиц к ответственности по этой статье);
- 2 рейда;
- 1 проверка;
- 1 случай уничтожения тиража после штрафа;
- 4 случая снятия книг с продажи по требованию (при этом по спискам — десятки наименований);
- 10 случаев самоцензуры, включая институционализованные механизмы;
- не менее 3 случаев включения книг в реестры запрещённой информации;
- блокировка сайтов;
- недопуск 2 издательств на книжный фестиваль.

8.2. Форматы цензуры и давления

В 2025 году давление на книжный бизнес перестало ограничиваться штрафами. Оно приобрело **структурный характер**, затрагивая весь цикл работы с текстом:

- внедрение **автоматизированных систем проверки рукописей**;
- требования к авторам «корректировать» тексты без указания конкретных претензий;
- отзыв из продажи уже изданных книг по внутренним решениям издательств;

- создание механизмов **внутренней самоцензуры**, включая онлайн-жалобы на контент внутри издательских платформ;
- физическое уничтожение тиража после административного наказания.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что ЛГБТК+ тематика стала **одним из самых частых спорных вопросов на этапе предпечатной подготовки**. Генеральный директор издательства «Альпина» публично подтвердил, что именно ЛГБТК+ контент в 2025 году системно вызывает сомнения, отказ в публикации или требования правок.

8.3. Эффект устрашения

Даже в случаях, когда формального привлечения к ответственности не происходило, эффект давления достигался за счёт:

- угроз проверок;
- неформальных сигналов со стороны контролирующих органов;
- публичных доносов;
- включения книг в «серые списки».

В результате книжный рынок оказался в ситуации, когда **отказ от публикации ЛГБТК+ контента стал экономически рациональным решением**, а не идеологическим выбором.

9. Онлайн-кинотеатры и видеоплатформы: репрессии против визуального нарратива

9.1. Масштабы преследования

В 2025 году зафиксировано **22 случая преследования онлайн-кинотеатров** и видеоплатформ за контент с ЛГБТК+ персонажами или сюжетами.

Форматы давления включали:

- привлечение по **ст. 6.21 и 6.21.2 КоАП**;
- штрафы за отказ удалить контент;
- блокировки;
- включение контента и платформ в реестр запрещённой информации;
- принудительную самоцензуру.

9.2. Вырезка сцен и «исправленные версии»

Отдельным устойчивым форматом стало требование:

- **вырезать отдельные сцены** для офлайн-проката;
- создавать «адаптированные версии» фильмов и сериалов для российского рынка;
- полностью отказываться в выдаче прокатных удостоверений фильмам, «противоречащим традиционным ценностям».

В 2025 году был принят закон о **запрете выдачи прокатных удостоверений фильмам, противоречащим традиционным ценностям**, что закрепило практику цензуры на законодательном уровне.

9.3. Самоцензура как норма

Многие платформы в 2025 году предпочитали **предварительно удалять или скрывать контент**, не дожидаясь формальных требований. Таким образом, цензура стала не реакцией, а **постоянным режимом работы**.

10. Онлайн-платформы, игры и «экспорт цензуры»

10.1. Давление на платформы

В 2025 году зафиксировано **28 случаев давления на онлайн-платформы**, не относящиеся к кино и книгам:

- требования удалить контент;
- административная ответственность;
- угрозы блокировки.

При этом реакция платформ была различной:

- часть исполняла требования;
- часть игнорировала;
- часть игнорировала демонстративно.

10.2. Блокировки и удаления

Зафиксированы:

- **добровольная блокировка международной платформой пользователей из РФ** по требованиям российских правоохранительных органов — фактический экспорт российской цензуры за пределы юрисдикции;
- **удаление приложений из App Store для пользователей из РФ** по требованию российских органов;
- удаление ЛГБТК+ контента с игровых платформ;
- блокировка сайтов знакомств;
- блокировка сайта с детскими раскрасками;
- блокировка сайта медицинской организации с информацией о смене пола (2 случая).

В одном случае после блокировки ресурса было возбуждено **уголовное дело**.

11. Инициативы и институционализация ненависти

2025 год также характеризуется активной **нормализацией анти-ЛГБТ риторики** через инициативы и «экспертные» разработки:

- публикация «квалифицированных признаков ЛГБТ-пропаганды» Российским книжным союзом;
- предложения расширить ответственность за демонстрацию экстремистской символики;
- идеи наделить РКН дополнительными полномочиями;
- закон о запрете поиска экстремистских материалов;
- публичные заявления о необходимости блокировки видеоконтента «под видом личного опыта»;
- разработка ВШЭ «научно обоснованного инструментария» мониторинга ценностей студентов;
- идея создания «суверенного ИИ на основе традиционных ценностей»;
- инициатива о лишении званий народных артистов за «пропаганду ЛГБТ»;
- законопроекты о штрафах для онлайн-кинотеатров.

Всё это формирует **идеологическую инфраструктуру репрессий**, в которой правоприменение становится лишь завершающим элементом.

14. Заключение

Преследование ЛГБТК+ в Российской Федерации в 2025 году представляет собой **системную, многоуровневую и институционализированную практику**, охватывающую:

- административное и уголовное право;
- культуру и образование;
- бизнес и онлайн-платформы;
- частную и интимную жизнь.

Цена этой политики — общество, где вне зависимости от идентичности страх подменяет право, культура сужается, частная жизнь становится опасной, а информация и услуги — дороже. Государство же тратит силы на репрессии, которые разрушают всех, включая его самого: ресурсы уходят на преследование частной жизни вместо управления, право подменяется произволом, утрачивается доверие, и государство всё чаще выглядит не как институт порядка, а как карательный механизм, занятый борьбой с идентичностями вместо решения реальных проблем.